
Еще раз о невыученных уроках Загорского эксперимента (ответ А.Д. Майданскому)

© 2019 г. Ю.В. Пущаев

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.;
ИНИОН РАН, Москва, 117997, Нахимовский проспект, д. 51/21.*

E-mail: Putschaev@mail.ru

Поступила 18.01.2019

Статья представляет собой полемический отклик на статью философа А.М. Майданского, в которой тот пытается защитить от критики понимание советским философом Э. В. Ильенковым так называемого Загорского эксперимента, особенностей развития слепоглухих детей, а также особенностей становления человеческой личности вообще, что тут является главным определяющим фактором – предметно-практическая деятельность или язык. По пунктам выделяются аргументы, согласно которым так называемый Загорский эксперимент не может считаться научно состоятельным.

Доказывается и показывается, что за всю историю тифлосурдопедагогики не известно ни одного случая развития слепоглохого человека от «ноля психики» вплоть до высот культурного развития в согласии с концепцией Соколянского-Мещерякова, на которую опирался Э.В. Ильенков. Вместе с тем, отрицание научности этого эксперимента не отменяет того важного обстоятельства, что это яркая страница в истории отечественной философии и психологии, которая в том числе практически очень повлияла на положение слепоглухих людей в нашей стране.

Ключевые слова: Загорский эксперимент, Э.В. Ильенков, А.И. Мещеряков, слепоглухота, мышление, язык, предметно-практическая деятельность, психика.

DOI: 10.31857/S004287440006052-2

Цитирование: *Пущаев Ю.В.* Еще раз о невыученных уроках Загорского эксперимента (ответ А.Д. Майданскому) // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 146–157.

Again about the Unlearned Lessons of the Zagorsk Experiment (an Answer to A. D. Maidanskiy)

© 2019 г. Yuriy V. Puschaev

*Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av.
GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.; Institute of Scientific Information for Social
Sciences of the Russian Academy of Sciences, 51/21, Nakhimovsky av., Moscow, 117997,
Russian Federation.*

E-mail: Putschaev@mail.ru

Received 18.01.2019

The article is a polemic response to the article of the philosopher Maidanskiy, in which he tries to protect the interpretation of soviet philosopher Ilyenkov of so-called Zagorsk experiment, the features of the development of deaf-blind children, as well as the features of the formation of the human personality in general, which is the main determining factor of the subject-practical activity or language. On points stand out the arguments according to which the so-called Zagorsk experiment can not be considered scientifically sound.

It is proved and shown that in the entire history of tiflosurpedagogics not a single case of development of a deaf-blind person from the "zero psyche" up to the heights of cultural development in accordance with the concept of Sokolyansky-Meshcheryakov, which relied E. V. Ilyenkov. At the same time, the denial of the scientific nature of this experiment does not negate the fact that this is a bright page in the history of Russian philosophy and psychology, which, among other things, has had a great impact on the situation of deaf-blind people in our country.

Key words: Zagorsky experiment, E. V. Ilyenkov, A. I. Meshcheryakov, deaf-blindness, thinking, language, subject-practical activity, the psyche.

DOI: 10.31857/S004287440006052-2

Citation: Puschaev, Yuriy V. (2019) "Again about the Unlearned Lessons of the Zagorsk Experiment (an Answer to A. D. Maidanskiy)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2019), pp. 146–157.

В отечественных философских кругах продолжается дискуссия вокруг темы так называемого Загорского эксперимента, причем самой дискуссии уже почти 50 лет, если считать ее началом статью биолога А.А. Малиновского¹ «Некоторые возражения Э.В. Ильенкову и А.И. Мещерякову» в 1970-м г. в журнале «Природа» [Малиновский 1970]. Данные небольшие заметки – отклик на недавнюю статью А.Д. Майданского «Уроки Загорского эксперимента», опубликованную в сборнике «Эвальд Ильенков. Идеальное и реальность» в 2018 г. [Майданский 2018^a]. В ней Майданский как последователь Ильенкова, принадлежащий его школе, попытался защитить своего учителя от той разнообразной критики, которой была подвергнута как философская интерпретация Ильенковым основных проблем тифлосурпедагогике (педагогике, занимающейся слепоглухими детьми), так и его тезис о якобы теперь уже строго экспериментальном подтверждении и обосновании решения проблемы «откуда берется ум» и что является главным фактором в процессе становления человека человеком.

Я сам давно занимаюсь темой Загорского эксперимента, и в частности, вопросом о том, насколько справедливой была критика Ильенкова. Я считаю, что в очень большой степени она и правда была справедливой, хотя не до конца и не во всем. Но данная статья Майданского для меня здесь повод *специально и по пунктам* указать

на то, что уже в который раз упорно не понимают или *не хотят понимать, не хотят слышать* апологеты Ильенкова в этом вопросе. Это странная ситуация диалога (или его отсутствия), в которой защитники Ильенкова отвечают лишь на отдельные, второстепенные моменты критики, упорно игнорируя суть возражений. И я хочу воспользоваться поводом еще раз проговорить и буквально схематично, сжато и по пунктам резюмировать и зафиксировать главное, почему так называемый Загорский эксперимент не может считаться научно состоятельным экспериментом.

Хотя, надо отметить, случай Майданского не самый монологичный. Он все же пытается более или менее развернуто отреагировать на критику. А, скажем, другой видный ильенковец, Л.К. Науменко, так проявляет просто блестящую глухоту, рассказывая о полностью удавшемся и выдающемся эксперименте, ни словом не упоминая о том, что позиция Ильенкова хотя бы где-то кем-то критиковалась [Науменко 2008].

Между тем, отрицание научности этого эксперимента в моих глазах не отменяет того факта, что это яркая страница в истории отечественной философии и психологии. В ней даже, на мой взгляд, во многом выразились культурно-историческая суть и метафизика советской эпохи со всеми ее ошибками и достижениями. См. об этом 14-ую главу «Загорский эксперимент как зеркало советской эпохи» в моей книге «Философия советского времени: М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения)» [Пушаев 2018].

* * *

Тема Загорского эксперимента в отечественную философию вошла в решающей степени благодаря целому ряду ярких статей Э.В. Ильенкова в первой половине 1970-х годов – [Ильенков 1970; Гургенидзе, Ильенков 1975; Ильенков 1975; Ильенков 1977] и др. (хотя и до этого в «Вопросах философии» уже публиковались статьи А.И. Мещерякова [Мещеряков 1968; Мещеряков 1969], содержавшие уже очень много из того, о чем будет говорить и на что будет опираться Ильенков [Пушаев 2013^а], [Пушаев 2013^б]). В этих статьях Ильенкова декларировалось о ни больше ни меньше – об экспериментальной разгадке тайны рождения человеческого Я, с опорой на якобы бесспорные научные психолого-педагогические данные, полученные в ходе воспитания и обучения слепоглохих детей в Загорском (сейчас Сергиево-Посадском) детском доме слепоглохих детей. Как главный демонстрационный аргумент Ильенкова в этих статьях выступало указание на то, что четверо молодых слепоглохих людей, выпускников этого дома поступили в начале 1970-х гг. на психологический факультет МГУ им. Ломоносова и успешно его закончили. Только о них и их успехах говорит Ильенков, чтобы на их примере в качестве уже неоспоримого, научно доказанного факта проиллюстрировать правоту, во-первых, так называемой концепции совместно-разделенной деятельности Соколянского–Мещерякова, которая определенным образом истолковывает опыт воспитания и обучения слепоглохих детей, и, во-вторых, правоту своей философской интерпретации проблем обучения и воспитания слепоглохих детей. Интерпретации, не лишенной оригинальности (талант философа во многом заключается в умении находить подтверждение своим абстрактным истинам в порой совершенно неожиданных конкретных вещах), и при этом выдержанной в ортодоксально марксистском духе, призванной подтвердить на психолого-педагогическом и дефектологическом уровне и «материале» известный тезис, что «общественный труд создал человека».

Ильенков утверждал, что Соколянский и Мещеряков *с научной строгостью, то есть на базе строгого научного эксперимента* доказали, что фундаментом и сутью «очеловечивания» является обучение ребенка элементарным бытовым навыкам и умению пользоваться простейшими предметами материальной культуры – ложкой, одеялом, ночным горшком. И ни в коем случае таким фундаментом по Ильенкову не может считаться обучение языку, человеческой речи. Подобное мнение для него является религиозно-идеалистическим предрассудком, несовместимым с приверженностью научной философии и психологии. Напротив, если ребенок при помощи взрослых усвоит основные бытовые навыки, говорили единомышленники Ильенков и

Мещеряков, то в деле обучения его речи и формирования у него высших психических функций особых трудностей уже не будет, ведь фундамент заложен, и дальше на нем уже без особых проблем будут выстраиваться высшие этажи человеческой психики — владение языком, мышление, воля, воображение, и т.д.

Новизна и даже острота так называемой канонической версии Загорского эксперимента и состояла преимущественно в утверждении, что теперь это положение доказано строго-научно, экспериментально. И именно в этот пункт стала в основном целить критика оппонентов Ильенкова по данному вопросу. В 1989 г. вышла небольшая книга «Слепоглухонемота: Исторические и методологические аспекты: Мифы и реальность» [Слепоглухонемота: Исторические и методологические аспекты: Мифы и реальность 1989]. Она представляла собой сборник докладов на конференции 1988 г., на которой взгляды Ильенкова и Мещерякова были подвергнуты прямо-таки разгромной критике. Оппоненты «канонической версии» доказывали, что никакого собственно научного эксперимента не было. Ведь по его условиям, оговоренным самими же Ильенковым и Мещеряковым, требовалось, чтобы в научно наблюдаемом процессе воспитания и обучения слепоглухих детей «подопытными» были *тотально или полностью слепоглухие дети, причем с самого рождения*. Однако никто из «загорской четверки» (С.А. Сироткин, А.В. Суворов, Ю.М. Лернер, Н.Н. Крылатова) таковым на самом деле не являлся: никто из них не был тотально слепоглухим с рождения. У всех у них какое-то продолжительное время в детстве сохранялись слабые зрение и/или слух. И никто из них не обучался в Загорском детском доме для слепоглухих с самого начала. Более того, каждый из них, кроме Сироткина, сначала поучился в школе только для слепых или только для глухих, и лишь в подростковом возрасте попал под «экспериментальное наблюдение» загорских педагогов. Очень слабые остатки слуха сохранялись даже у них уже взрослых, когда они учились в МГУ и далее. Следовательно, говорили оппоненты, эксперимент был нечистым, его просто не было в строго научном значении. А Ильенков, как доказывали некоторые из них, сознательно скрыл от читателей, что никто из «загорской четверки» не был полностью слепоглухим с рождения.

Впрочем, эта критика не переубедила ильенковцев, которые ушли в глухую оборону. Они возражали, что Ильенков никогда и не скрывал, что никто из четверки не был полностью слепоглухим с рождения, поскольку упоминал (два или три раза мимоходом в своих статьях) о том, что этих ребят «в детские годы постигло одинаково несчастье. Болезнь лишила их сразу и зрения и слуха»² [Ильенков 1975, 81]. Оппоненты им на это в общем-то убедительно возражают, что Ильенков говорил это крайне редко и совершенно вскользь, в таких общих словах, чтобы на этом вообще не фиксировалось внимание читателей. Зато в качестве иллюстрации эффективности концепции Соколянского–Мещерякова, позволяющей «сотворить чудо» с детьми, тотально слепоглухими с самого рождения, он везде и всегда упоминал только этих молодых людей вместе с писательницей О.И. Скороходовой (которая тоже не была слепоглухой с рождения).

Однако ильенковцев это все равно не убеждает. Они также, например, говорят, что вообще не имеет особого значения, был ли кто из четверки слепоглухим с рождения, потому что в принципе экспериментальные данные никогда полностью не соответствуют теории и могут с ней расходиться. Главное, дескать, идеальные закономерности, которые выделял Ильенков, а не слишком многообразная эмпирия, от которой всегда приходится абстрагироваться и отвлекаться (получается почти по Гегелю — «тем хуже для факта», но причем здесь тогда классическое научно-экспериментальное мышление?)

Конечно, Загорский эксперимент был, пожалуй, самым ярким и впечатляющим выходом Ильенкова за пределы собственно философии в деле сотрудничества с представителями других научных дисциплин. И подвергнуть сомнению и критике результаты этого сотрудничества — это, возможно, просто слишком многого требовать от собственно ильенковцев, убежденных сторонников его школы.

Однако невозможно до бесконечности отмахиваться от очевидного. И хотя, как известно, «в область верований факты не проникают», хочется еще раз словно запро-токолировать буквально по пунктам, и в сжатом виде изложить то, почему Ильенков был неправ в этом вопросе, и почему Загорский эксперимент не может считаться научно состоятельным. Чтобы любой дальнейший разговор по поводу Загорского эксперимента возвращать к этим пунктам и требовать прямого ответа на сформулированные там тезисы.

1. Любой эксперимент предполагает: (1) исходную гипотезу, (2) которую подвергают экспериментальной проверке, и (3) полученные в ходе этой проверки данные. Если эту тройственную структуру наложить на Загорский эксперимент, то можно увидеть, что то, что в нем подается в качестве якобы полученных строгих экспериментальных данных — либо таковыми не являются, потому что по-настоящему *не было самой проверки*, либо эти данные все же есть, но *они проверяемой гипотезе не соответствуют и ей противоречат*.

Исходная теоретическая гипотеза Соколянского-Мещерякова (с ней полностью солидаризировался Ильенков и далее философски ее развивал) состояла в том, что слепоглохого ребенка (как и любого другого, нормального, просто в случае с тотальной и самого рождения слепоглохотой это видно гораздо более ясно и четко) необходимо прежде обучить первичным бытовым навыкам как некоему фундаменту «человеческой психики». Как мы уже сказали, согласно их взглядам, потом на этом фундаменте могут достраиваться остальные этажи человеческой личности, причем без особых проблем. Но уже само по себе наличие этого фундамента при прочих равных условиях гарантирует возможность «дальнейшего безграничного развития личности», в том числе и овладение языком. Владение речью с их точки зрения никак не может считаться главным или решающим этапом в процессе становления человека. Такая точка зрения должна считаться идеалистической и ненаучной. Владение языком — скорее некое следствие, вытекающее из заложенного основания и не составляющее какую-то принципиально новую ступень.

Важнейшее утверждение канонической версии Загорского эксперимента состоит в том, что теперь якобы строго научно доказана последовательность в восхождении по ступеням развития у *тотально слепоглохих с рождения детей*: обучение предметно-практическим навыкам — обучение жестовому языку — переход при помощи дактильной азбуки на обычный словесный язык — возможность дальнейшего «безграничного развития личности». Успешное прохождение первой стадии гарантирует дальнейшее восхождение вплоть до самых высших ступеней культурно-личностного развития. Обучили первой — тогда, если ничего привходящего не помешает, будут и высшие.

Однако подвох в том, что по этой схеме или лестнице, имеющей центральное значение в концепции Соколянского-Мещерякова и в опирающейся на нее философско-психологической концепции Ильенкова в Загорском детском доме *не было воспитано ни одного тотально слепоглохого с рождения ребенка*. Буквально: *ни одного*.

Как мы уже сказали, тотально слепоглохими с рождения не были четверо будущих выпускников МГУ. Более того, в Загорский дом они попали в достаточно взрослом возрасте, уже умея читать и писать, отучившись до этого в нескольких классах школ для слепых или глухих. Те же тотально слепоглохие с рождения дети, что оказались в детском доме, никаких особых успехов не добились: не овладели даже словесным языком, не говоря уже об обучении в вузах и иных путях и способах «безграничного личностного развития». Майданский и сам это признает: «Никого из воспитанников Загорского интерната не удалось вывести на высшие рубежи духовной культуры “с нуля”» [Майданский 2018^a, 432].

Более того, насколько нам известно, *во всей истории тифлосурдопедагогики* научно не зафиксировано *ни одного случая*, чтобы слепоглохой с рождения ребенок овладел в полной мере словесной речью и мог в культурном плане полноценно развиваться дальше. Наиболее часто вспоминаемые в этом контексте американские девочки Эллен Келлер и Лора Бриджмен тоже не были слепоглохими с рождения. Они ослепли и оглохли в возрасте около полутора лет, когда уже вполне могли овладеть начальными

элементами человеческой речи. А француженка Мари Эртен, про которую говорят, что она якобы была слепоглухой с рождения, попала на воспитание в католический монастырь лишь в возрасте 10 лет. До этого она находилась в родной семье без какого-либо внешнего наблюдения. И была ли она действительно слепоглухой с самого рождения, какова была динамика состояния ее зрения и слуха до момента попадания к монахиням, доподлинно неизвестно.

Таким образом, что это за научный эксперимент, гипотезе которого нет буквально *ни одного* научно зафиксированного фактического подтверждения? Поэтому совершенно неубедительны суждения Майданского с высоты птичьего полета о том, что на самом деле совершенно не важно, были ли тотально слепоглухими вот эти конкретные участники «Загорской четверки». Дескать, Ильенков «в ходе эксперимента стремился выделить *чистые, всеобщие, инвариантные формы* становления человеческой психики. От прочего же абстрагировался как и всякий нормальный ученый <...> С тем же “глубокомыслием” они могли бы упрекнуть *Ньютона* за то, что он злонамеренно скрыл разницу между земным и небесным мирами и выдавал за реальность фикцию — прямолинейное и равномерное движение, каковое нигде в природе не наблюдается» [Майданский 2018^a, 429–430].

Тут в целом у Майданского получается, что «массой частных фактов, игрой случая и посторонних влияний» [Майданский 2018^a, 430] объявлены вообще все фактические данные, имеющие отношение к делу. Но где хоть одно объективно зафиксированное фактическое подтверждение лестнице полного восхождения в концепции Соколянского-Мещерякова? *Хоть одно?!*

2. Майданский в свое апологетической статье подчеркивает и защищает исходную предпосылку Мещерякова и Ильенкова, что воспитание слепоглухого ребенка понятнее и проще, чем нормального, потому что здесь якобы можно поставить под контроль все условия воспитания и развития. Дескать, в случае с нормальными детьми велика роль «педагогической стихии», когда ребенок многое усваивает сам собой, просто наблюдая за окружающими его людьми, общаясь со сверстниками и т.д. Слепоглухой же ребенок якобы лишен этих возможностей, и любую информацию, особенно в начале своего обучения, он получает лишь через воспитателя. Это и позволяет по Мещерякову и Ильенкову поставить под учет и контроль все решающие факторы воспитания. Это означает с их точки зрения, что в случае с воспитанием слепоглухих детей мы имеем дело со своего рода «лупой времени», в фокусе которой становятся видны «узловые события процесса формирования личности, становления (подумать только!) человеческого сознания» [Ильенков 1977, 70].

Действительно, научный эксперимент должен состоять в том, что его объект ставится в искусственные и полностью контролируемые условия, исключающие наличие какой-либо стихии, т.е. любых посторонних и неконтролируемых воздействий. Над объектом производятся определенные действия, и если на выходе получается искомый результат, то это считается успешным подтверждением исходной гипотезы.

Однако снова подчеркнем, что в случае с Загорским экспериментом все было не так, и отсутствия «педагогической стихии» в наблюдаемых условиях никогда не было как в случае с «загорской четверкой», так и в примыкающем сюда случае с Ольгой Скороходовой. Все они никогда не находились в ситуации полной контролируемости, прозрачности для просвечивающего их насквозь научного взгляда. В руки тифлосурдопедагогов и участники «загорской четверки», и О.И. Скороходова попали уже худо-бедно приспособленными к стихии человеческого общения. То есть, здесь опять-таки не было того, что собственно и должно делать научный эксперимент научным экспериментом — изначальной полной контролируемости «объекта» и достаточного учета всех факторов его формирования.

Более того, как прозвучало в выступлениях педагогов Загорского дома еще на конференции 1988 г., в целом все воспитуемые там дети, даже наиболее отстающие в развитии, никогда не находятся в полной изоляции от сверстников, всегда в той или иной степени включены в среду общения, в ее *стихию*, где усваивают массу всего самого разного. Сама идея возможности исключить полностью стихийность

(а значит, и свободу) даже при первоначальном воспитании представляется крайне сомнительной. Тогда *человеческий субъект* превращается лишь в *объект*: сам он якобы не контактирует со сверстниками, не способен самостоятельно ничего наблюдать и усваивать, пусть даже лишь одними руками.

3. Майданский категорически берет под защиту тезис Ильенкова о якобы «нуле психики» у слепоглохого ребенка, отмечая при этом, что он «вызвал настоящий шквал возражений» [Майданский 2018^a, 424]. Он даже в общем-то с одобрением цитирует слова Ильенкова о том, что только что родившийся младенец в виду его «полнейшей неспособности к предметным действиям в мире» является всего лишь «кусочком мяса»...

Майданский иронизирует над научно безграмотными, как он считает, словами работников Загорского дома о том, что они никогда не видели там детей с «нулевой психикой» и никогда не занимались формированием личности «от нуля». Наш автор триумфально указывает, что «ноль психики» здесь надо понимать не в профанном, а четко оговоренном научном смысле, как полное отсутствие к поисково-ориентировочной деятельности, способности к самодвижению и поиску в пространстве полезных веществ, поскольку «Ильенков настаивал, что психика является функцией поисково-ориентировочной деятельности» [Майданский 2018^a, 426]. Дескать, это нижний этаж психики, общий людям с животными. И Майданский пишет, что «эксперимент привлекал Ильенкова возможностью воочию – в чистом виде – наблюдать процесс возникновения психики и человеческой личности» [Майданский 2018^a, 429].

Однако хочется спросить, *у кого именно* Ильенков воочию и в чистом виде наблюдал процесс возникновения психики и личности «с нуля», с усилий по формированию еще в зародыше поисково-ориентировочной деятельности, и вплоть до высших ступеней личностного развития? Ведь опять-таки, никто из «загорской четверки» молодых людей к таковым не относился. Зачем тогда вообще было про них упоминать? И да, назовите, пожалуйста, *поименно* других детей, чье формирование научно наблюдали в Загорском доме как раз «с нуля» и до самого «верха». Но другие имена вообще не звучат в этом контексте. Интересно, почему?

4. Ильенков создает свою оригинальную (признаем это) и одновременно выдержанную в ортодоксально марксистском духе философию слепоглохоты, подчеркивая ее материалистический характер. Он противопоставляет ее, как он говорит, религиозно-идеалистическим воззрениям, согласно которым главным фактором становления человека и его культурного развития является овладение словесным языком, обычной человеческой речью. Ранее, еще на примере Эллен Келлер, слепоглохой девочки, которая стала известной писательницей и общественной деятельницей, различные философы и психологи (например, Э. Кассирер) утверждали, что именно произнесенное ею впервые осознанно слово «вода» стало тем ключом, который, словно сейф, открыл для встречи с миром ее душу, и что именно употребление символов и является решающим фактором при возникновении мышления.

Ильенков же в противовес таким взглядам подчеркивает первостепенность осязания (он его трактует как базовое и главное чувство человека, более важное и фундаментальное для личностного и культурного развития, чем даже зрение и слух) и именно работы рук, которые выполняют свою роль вне зависимости от наличия у ребенка зрения или слуха. Теория совместно-разделенной деятельности Соколянского-Мещерякова тем и понравилась марксисту Ильенкову, что она на индивидуально-психологическом уровне вроде как подтверждала исходный тезис марксистской философии, что общественный труд создает человека. Поэтому для Ильенкова был так важен тезис о тотально слепоглохих с рождения детях, которые достигают высот культурного развития. Ведь если бы у них были хотя бы небольшие остатки зрения и слуха, значит, они могут что-то видеть и слышать, и, *хоть в небольшой степени, не усваивать язык, речь. Но значит, тогда работа рук уже не является единственной и определяющей.* Он же стремился доказать, что совместная с воспитателем практическая деятельность ребенка, *выполняющаяся преимущественно лишь руками* и обслуживающая его первичные бытовые потребности, еще до всякого овладения речью уже

является достаточной гарантией «очеловечивания» и «безграничного личностного развития». И тогда мы уже в сфере психологии получаем подтверждение истинности философских представлений, что категория предметно-практической деятельности является фундаментом и исходной клеточкой для исчерпывающего понимания общества и человека.

В этом контексте для Ильенкова и были важны положения об «отсутствии педагогической стихии» и «ноле психики» у тотально слепоглухого ребенка. Отсутствие стихийности, т.е. в том числе какой-либо свободы при личностном развитии (но возможно ли вообще в таких *несвободных* условиях человеческое развитие даже очень маленького ребенка?), взаимодействие ребенка лишь с одним воспитателем и «ноль психики» до этого специального целенаправленного воздействия действительно подразумевают полное отсутствие зрения и слуха, которые слишком стихийны, всегда могут услышать и увидеть что-то, что невозможно полностью проконтролировать и локализовать.

Однако, что мы видим на самом деле, фактически? Как мы уже сказали, весь опыт тифлосурдопедагогики демонстрирует, что как раз тотально слепоглухие с самого рождения дети, возможности которых ограничены только осязанием и работой лишь рук, не могут сколько-нибудь полноценно овладеть словесной речью. Они остаются в лучшем случае «жестовиками» (владеющими лишь жестовым языком), и им недоступны, как говорит Майданский, «высшие рубежи духовной культуры».

Таким образом, вопреки Ильенкову и его единомышленникам факты говорят о том, что одна лишь предметно-практическая деятельность сама по себе вовсе не гарантирует «безграничного личностного развития». Опыт как Загорского детского дома, так и всей тифлосурдопедагогики говорит о том, что тотально слепоглухих с рождения детей удавалось научить лишь предметно-бытовым навыкам, жестовому языку и разве что лишь отдельным элементам словесного языка. Но о безграничном культурном развитии личности здесь, увы, говорить не приходится.

Только в случаях, когда слепоглухой ребенок не был таковым с самого рождения, слышал и видел хотя бы первые год-два и мог усвоить начальные элементы речи, он получал возможность дальнейшего полноценного культурного развития. Но тогда получается, что правы были идеалисты, с которыми спорили Ильенков и Мещеряков. Лишь усвоение в самом раннем возрасте хотя бы начальных элементов словесного языка, речи позволяет сделать в дальнейшем решающий рывок в дальнейшем культурном развитии.

Кстати, очень примечательно, как в этой области изменилась терминология. Ильенков и его единомышленники говорили о *слепоглухонемых детях* и о *слепоглухонемоте*. Сейчас же пользуются терминами *слепоглухие* и *слепоглухота*. И это точнее и вернее, потому что именно немых и не говорящих хотя бы жестами среди таких людей практически нет. Ильенков же рассуждениями о слепоглухонемоте словно подчеркивал, что загорские воспитатели якобы изначально имели дело с совершенно не говорящими детьми, и все равно добились выдающихся успехов в их культурном развитии. Но этого, как мы показали, не соответствует действительности.

5. Однако признание того, что тотально слепоглухие с самого рождения дети не могут добиться больших успехов в культурном развитии ни в коем случае не должно обернуться умалением их человеческого достоинства, как и человеческого достоинства любых других тяжелых инвалидов. В Ильенкове, кстати, во многом привлекает его глубинный демократизм, убеждение, что все люди равны, и что стоит лишь создать подходящие социальные условия, и «никто не уйдет обиженным». Поэтому, считал он, даже такие дети тоже смогут подняться к самым вершинам культуры, когда абсолютно у всех появится возможность «безграничного личностного развития». Он верил, что все люди равны с точки зрения своего человеческого достоинства, но подтверждение этому равенству видел в том, что любой человек, даже самый тяжелый инвалид, может подняться к самым высотам культуры.

Однако что делать, если неизбежные ограничения в возможностях культурного развития все-таки существуют? *Если от инвалидности как феномена невозможно*

избавиться? Тем более, такой тяжелой? Оптимизм Ильенкова (его антирелигиозная и квазирелигиозная вера в полноценное «земное воскресение жизни») в свете трезвого реализма дает сбой, его гуманизм подвисает. Но значит, что тогда люди и вправду не равны? Ведь нет пока ни единого примера, чтобы тотально слепоглухой с рождения человек добился значимых успехов в культурном развитии.

Мне кажется, что высший, подлинный демократизм тут христианский. На мой взгляд, больше правы «церковники», которых свысока третировали Ильенков и Мещеряков. В Евангелии сказано: «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19:30). С христианской точки зрения весьма возможно, что на Страшном суде именно тяжелые инвалиды окажутся лучшими заступниками для тех, кто ухаживал за ними в жизни из любви.

В целом даже чрезвычайно низкий уровень так называемых высших психических функций и способностей (умение говорить, писать, считать и т.д.) в каком-то предельном смысле не должен отменять понимания, что перед нами *такой же человек*. Это в любом случае так, даже если из него и в приближении не получится сделать «разносторонне развитую, гармоничную личность: умную, добрую, *здоровую* (курсив мой. — Ю.П.), трудолюбивую и с тонким чувством прекрасного» [Майданский 2018⁶, 398].

На наш взгляд, вообще нельзя отождествлять личностное развитие с культурным и образовательным. Первое не совпадает со вторым, поскольку оно гораздо глубже и в то же время полностью невыразимо. Ильенков и его диалектический материализм в принципе не допускали понятия и категории тайны как глубочайшей, неразгадываемой загадки, к которой можно лишь прикоснуться и ее почувствовать. В том числе они были неспособны истолковать как тайну человеческую личность в рамках своей философии. Для них в человеке по сути все должно быть видно, выразимо и измеримо по шкале культурного развития и образовательных успехов.

6. Сама идея о якобы «отсутствии педагогической стихии» в случае со слепоглухим ребенком, возможности поставить условия возникновения и развития личности под некий объективный научный контроль говорит о некоем *скрытом позитивизме Ильенкова*. Это, конечно, звучит парадоксально, учитывая то, что Ильенков известен своим противостоянием явно позитивистской линии в советской философии. Но все же уверенность в возможности научного разрешения тайны личности, а также научно-экспериментальной разгадки того, как она возникает, говорит о некоем внутреннем позитивизме просвещенческого толка в советском марксизме в целом, даже в ее антициентистской линии, которая не в последнюю очередь была представлена Э.В. Ильенковым.

7. И последний пункт, который имеет некоторое отношение к аргументации сторонников Ильенкова. И Майданский, и другие ильенковцы любят говорить о близости позиций и взглядов Ильенкова и выдающегося советского психолога Л.С. Выготского. Однако при желании выстроить прямую преемственность между двумя мыслителями затушевывается ряд принципиальных разногласий между ними, которые имеют прямое отношение и к нашей теме. Кстати, неслучайно сам Ильенков о Выготском упоминает *очень мало*.

Также интересно, что Майданский на самом деле хорошо знает о разнице во взглядах между Ильенковым и Выготским на природу и главный признак «высших психических функций», что, например, нашло выражение в его статье 2008 г. о Спинозе и Выготском [Майданский 2008]. Однако, как только ильенковцы заводят речь о Загорском эксперименте и вспоминают в этом контексте Выготского, они обходят стороной эту важнейшую тему в его психологии, словно для того, чтобы не ставить лишней раз под сомнение взгляды своего учителя. Так и Майданский в своей статье уже 2018 г. говорит лишь о том, что общего было у Ильенкова и Выготского, в который раз совершенно отставляя в сторону различия между ними. Но мне кажется важным применительно к проблематике Загорского эксперимента заполнить эту лакуну, эту фигуру умолчания.

Да, и Ильенков и Выготский были искренними убежденными марксистами. И тот, и другой очень ценили Спинозу и во многом опирались на него. Для них обо-

их первостепенную важность имели именно методологические проблемы, проблемы метода научного мышления. Да, они оба были монистами и считали психику и поведение на сто процентов социальным продуктом. Однако, на мой взгляд, они расходились как раз в том вопросе, что именно переводит человека на человеческий уровень, делает его «субъектом высших психических функций». Для «Моцарта советской психологии» таковым все же был язык, употребление знаков, символическая деятельность. Только символы, знаки по Выготскому поднимают действие на новую, высшую ступень, культурно опосредуют человеческую деятельность и позволяют индивиду овладеть своим поведением. Для Ильенкова же представление, что ведущим фактором развития человеческой психики является язык или речь, было типично идеалистическим. Как раз схожие воззрения он критиковал в своем понимании Загорского эксперимента, настаивая на том, что необходимый фундамент человеческого развития закладывает вовсе не овладение речью, а совместная практическая деятельность ребенка и взрослого по освоению первых бытовых навыков и вещей. А язык, дескать, при прочих равных условиях усваивается потом без проблем и не является, как у Выготского, тем важнейшим средством и орудием, под воздействием которого инструментальное мышление ребенка (общее с высшими животными) претерпевает радикальные изменения.

По Выготскому именно речь поднимает на высшую, собственно человеческую ступень ранее независимое от нее практическое действие. Хотя Выготский тоже считает, что практический интеллект в онтогенезе у ребенка возникает раньше и от речи в своем возникновении он независим, однако, «если в начале развития стоит дело, независимое от слова, то в конце его стоит слово, становящееся делом. Слово, делающее действие человека свободным» [Выготский 1984, 90].

Он сопоставлял знак с орудием, говоря, что употребление знака так же перестраивает строй психологических операций, как употребление орудия перестраивает строй трудовых операций. В целом можно утверждать, что решающим средством в деле «очеловечивания» у Выготского был именно *знак*, а не *орудие* или *бытовые простейшие бытовые предметы вроде ложки*, как у Ильенкова.

* * *

Понимание Ильенковым сущности человека, того, когда и благодаря чему человек становится собственно человеком, нашедшее свое выражение и в теме Загорского эксперимента, помимо прочего логично связано и с определенным пониманием проступности. В нравственном плане оно приводит к существенным этическим проступкам и изъянам, дефектам. Так, если считать, что младенец до овладения им первичных культурно-человеческих навыков скорее является «куском мяса», что до этого нет ни человека, ни его души, то с этой точки зрения совершенно не являются проблемой, например, аборт. Действительно, если собственно человека какое-то время нет даже после его рождения, то тем более он не будет сторонниками подобных взглядов считаться таковым, пока он находится в материнской утробе. И слабое нравственное чувство, все равно не соглашающееся с оправданностью абортов, тем легче будет заглушить такой вот наукой. Или, например, убежденность Ильенкова в том, что проблема смерти совершенно не является предметом философии, что умереть это просто как бы навечно уснуть, весьма возможно, сыграла совсем не последнюю роль в его самоубийстве...

С другой стороны, Загорский эксперимент был в каком-то смысле общим делом, в котором был и очевидный элемент самопожертвования. Эти четверо слепоглохих людей не добились бы столь многого, если бы в них так «не вложились». И особенно Ильенков очень много физических и душевных сил потратил на своих воспитанников. Тут мы имеем дело с настоящим подвижничеством. Кстати, только наши философы-марксисты в истории философии не просто размышляли о философских аспектах и философском значении слепоглохоты, но и приняли непосредственное жизненное участие в судьбе слепоглохих людей. В этом, на мой взгляд, выражается квазирелигиозный характер советского марксизма с его нетерпеливым ожиданием земного нерелигиозного воскресения жизни.

Поэтому, на мой взгляд, помимо справедливой критики Ильенков, конечно, заслуживает и того, чтобы сказать ему *искреннее спасибо*.

Примечания

¹ Интересно, что А.А. Малиновский, критиковавший Ильенкова и Мещерякова с достаточно позитивистских позиций, был сыном известного большевика А. Богданова. Последнего уже сам Ильенков в свою очередь позже подвергнет резкой критике за позитивизм и технократизм в своей последней книге «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» [Ильенков 1980].

² Вот отрывок из его статьи «Александр Иванович Мещеряков и его педагогика»: «Дело в том, что Саша, Юра, Сергей и Наташа – люди трудной и в силу ее особенной трудности героической судьбы. Всех четверых в детские годы постигло одинаковое несчастье. Болезнь лишила их сразу и зрения и слуха. Для них навсегда погас свет, умолкли звуки. Наступила беззвучная тьма, вечная безмолвная ночь» [Ильенков 1975, 81].

Источники – Primary Sources in Russian

Выготский 1982 – *Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Педагогика, 1984 (Vygotsky L. *Tool and Sign in Child Development*. In Russian).

Гургенидзе, Ильенков 1975 – *Гургенидзе Г.С., Ильенков Э.В.* Выдающееся достижение советской науки // Вопросы философии. 1975. № 6. С. 63–73 (Gurgenidze G., Ilyenkov E. *Outstanding Achievement of Soviet Science*. In Russian).

Ильенков 1970 – *Ильенков Э.В.* Психика человека под «лупой времени» // Природа. 1970. № 1. С. 88–91 (Ilyenkov E. *The Human Psyche under the «Magnifying Glass of Time»*. In Russian).

Ильенков 1975 – *Ильенков Э.В.* Александр Иванович Мещеряков и его педагогика // Молодой коммунист. 1975, № 2. С. 80–84 (Ilyenkov E. *Alexander Ivanovich Meshcheryakov and his Pedagogy*. In Russian).

Ильенков 1977 – *Ильенков Э.В.* Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–79 (Ilyenkov E. *Formation of Personality: the Results of the Scientific Experiment*. In Russian).

Ильенков 1980 – *Ильенков Э.В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М.: Политиздат, 1980 (Ilyenkov E. *Leninist Dialectic and Metaphysics of Positivism*. In Russian).

Малиновский 1970 – *Малиновский А.А.* Некоторые возражения Э.В. Ильенкову и А.И. Мещерякову // Природа. 1970. № 1. С. 92–95 (Malinovsky A. Some Objections to E. V. Ilyenkov and A. I. Meshcheryakov. In Russian).

Мещеряков 1968 – *Мещеряков А.И.* Как формируется человеческая психика при отсутствии зрения, слуха и речи // Вопросы философии. 1968. № 9. С. 109–118 (Meshcheryakov A. *How is the Human Psyche Formed in the Absence of Vision, Hearing and Speech*. In Russian).

Мещеряков 1969 – *Мещеряков А.И.* Критика идеи «пробуждения психики». (По материалам первых опытов обучения слепоглухонемых) // Вопросы философии. 1969. № 9. С. 133–144 (Meshcheryakov A. *Criticism of the Idea of "Awakening the Psyche."* (On the Materials of the First Experiments of Teaching Deaf-blind). In Russian).

Слепоглухонмота: Исторические и методологические аспекты: Мифы и реальность 1989 – Слепоглухонмота: Исторические и методологические аспекты: Мифы и реальность. М., 1989 (*Deafblindness: Historical and Methodological Aspects: Myths and Reality*. In Russian)

Ссылки – References in Russian

Майданский 2008 – *Майданский А.Д.* Выготский – Спиноза: диалог сквозь столетия // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 116–127.

Майданский 2018^a – *Майданский А.Д.* Уроки Загорского эксперимента // Ильенков Э.В. Идеальное и реальность. 1960–1979. М.: Канон+, 2018. С. 413–434.

Майданский 2018^b – *Майданский А.Д.* Коммунистический идеал Ильенкова и реальный социализм // Ильенков Э.В. Идеальное и реальность. 1960–1979. М.: Канон+, 2018. С. 398–412.

Науменко 2008 – Науменко Л.К. Расширяющаяся вселенная души – Experimentum crucis // Эвальд Васильевич Ильенков. М.: Росспэн, 2008, С. 288–311.

Пуцаев 2013^a – *Пуцаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента. Начало (I) // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 132–147.

Пуцаев 2013^b – *Пуцаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента: была ли фальсификация? (II) // Вопросы философии. М., 2013. № 10. С. 124–134.

Пуцаев 2018 – *Пуцаев Ю.В.* Философия советского времени: М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения). М.: ИНИОН РАН, 2018.

References

- Maidansky, Andrey D. (2008) “Vygotsky – Spinoza: Dialogue through the Centuries”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2008), pp.116–127 (in Russian).
- Maidansky, Andrey D. (2018^a) “The Lessons of the Zagorsk Experiment”, Ilyenkov, Evald, *Ideality and Reality*, Kanon+, Moscow. pp. 413–434 (in Russian).
- Maidansky, Andrey D. (2018^b) “The Communist Ideal of Ilyenkov and Real Socialism”, Ilyenkov, Evald, *Ideality and Reality*, Kanon+, Moscow, pp. 398–412 (in Russian).
- Naumenko, Lev K. (2008) “Expanding Universe of Soul – Experimentum crucis”, Evald Vasilyevich Ilyenkov, Rosspen, Moscow, pp. 288–311 (in Russian).
- Puschaev, Yuriy V. (2013^a) “History and Theory of the Zagorsk Experiment. Beginning (I)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2018), pp. 132–147 (in Russian),
- Puschaev, Yuriy V. (2013) “History and Theory of the Zagorsk Experiment: Was There a Falsification? (II)” *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2013), pp. 124–134 (in Russian).
- Puschaev, Yuriy V. (2018) *Philosophy of the Soviet Time: M. Mamardashvili and E. Ilyenkov (Energy of Repulsion and Attraction)*, INION RAN, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

ПУЩАЕВ Юрий Владимирович – кандидат философских наук, научный сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Отдела философии ИНИОН РАН.

Author’s information

PUSCHAEV Yuriy V. – CSc in Philosophy, Senior Researcher at Department of Philosophy at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Researcher at Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University